

Глава 42: Жестокий

Был еще кое-кто, кто был пьян той ночью - Чен Юнлун. Преднамеренно или нет, но никто не сообщил ему эту новость. Некоторые, возможно, злорадствовали насчет его неудачи. Некоторые, возможно, беспокоились о том, что он не сможет принять новость, поэтому таили это от него.

Во всяком случае, Чэн Юлун напился, и засыпал он с блаженным сном. Он даже выдумывал во сне, как бы было хорошо, если бы они жили в средневековых временах. Ощущая гордость, в дорогом халате украшенном красными цветами, он пересекал бы улицы на лошади.

На следующее утро, когда Чен Юлун проснулся, его мечты разрушились.

Вчера вечером в доме Сюй Тиншэня осталось ночевать много людей. В связи с тем что было мало комнат, несколько парней разложили матрас на полу, курили за разговором, хватая несколько бутылок вина посреди ночи и возвращаясь в комнату, чтобы выпить.

Фан Юнъяо осталась вместе с сестрой Сюй Тиншэня Сюй Цюй. Они еще не знали, что в предстоящем первом году Сюй Цюй Фан Юнъяо станет ее преподавательницей.

Молодая учительница припадающая уроки, студентка посещающая ее уроки, зная о неоднозначных отношениях учительницы с бывшим студентом, который только недавно окончил школу...

Это слишком красиво, я не хочу об этом думать...

Тан Цинлин и Сон Ни остались вместе. Хуан Ямин попросил Сон Ни помочь убедить Тан Цинлин отказаться от мыслей о повторении года и попытаться поступить в университет.

Хуан Ямин проснулся в 2 часа ночи, чтобы пойти в туалет, шатаясь, во время ходьбы.

Все еще трезвый, Сюй Тиншэн отдернул его: "Этого не может быть, правда? Это мой дом, и в стороне, кроме Тан Цинлин, там также спит Сон Ни. Вы уверены, что хотите сделать такой поступок, который разозлит как людей, так и богов?"

Хуан Ямин очень обиделся, сказав, что просто хотел пойти в туалет.

Сюй Тиншэн не поверил ему, толкнул его и отказался отпускать.

Хуан Ямин держал живот, говоря, что он действительно больше не может сдерживаться.

Не мог сдерживаться, была на самом деле фразой, которую можно было бы легко понять неправильно, как сказал Сюй Тиншэн: "Это убьет тебя, если ты просто не сдержишься в течение одного дня? Что, если Тан Цинлин закричит? ... Все вместе будем слушать это в комнате?"

Горячие слезы наполняли глаза Хуан Ямина: "... Я говорю о моче, я почти не могу ее удержать."

На самом деле, не спавший все это время, Фу Чэн сказал Сюй Тиншэню: "Просто так получилось, что я тоже хочу пойти. Я помогу уследить за ним."

"Тогда я тоже пойду", - сказал Сюй Тиншэн.

Эти трио не пошли в туалет, вместо этого пошли на небольшой холм за домом Сюй Тиншэня и решили сыграть очень глупую игру под лунным светом. Кто мог писать дальше, было не больше десяти футов в том году... это был именно тот год.

Впоследствии трио село на склоне холма и болтало.

Сюй Тиншэн спросил Хуан Ямина: “Что ты и Тан Цинлин намерены делать?”

Хуан Ямин сказал: “Я просто пытаюсь заставить ее поступать в университет. Лучше всего, если мы поступим в один и тот же, но если это действительно невозможно, мы будем учиться в том же городе, а затем женимся после окончания.”

В предыдущей жизни Сюй Тиншэня Тан Цинлин даже не моргнула, когда она бросила Хуан Ямина в разгар повторения года, не задумываясь. На этот раз многое изменилось, например, сам Хуан Ямин. Тем не менее, личность Тан Цинлин не изменилась. Как подумал Сюй Тиншэн раньше, существовало одно: сила предвидения, которая сочеталась с возрождением, не могла контролировать дела сердечные.

Сюй Тиншэн сказал: “Если однажды, я говорю если однажды, у вас действительно не останется никаких шансов, просто быть вполне обычной парой, а Тан Цинлин влюбиться в человека, который будет богаче и способнее чем ты, что бы ты сделал тогда?”

Хуан Ямин сказал: “Она не станет делать этого.”

Сюй Тиншэн смог отбросить эту тему только, когда он повернулся к Фу Чэну и спросил его: “А что насчет тебя? ... Ты сказал много всего до такой степени сегодня, что ты собираешься делать завтра, когда госпожа Фан проснется?”

Хуан Ямин сказал: “Просто прямо подталкивать ее к этому.”

Фу Чэн ответил: “Я думал об этом с тех пор... но ничего не мог придумать. Тем не менее, я считаю, что все в принципе хорошо. Я сказал все, что хотел сказать, и она все это выслушала. Я дал ей обещание, а также дал ей свободу. То, что произойдет после этого, будет зависеть от времени и судьбы.”

Фу Чэн имел в виду, что он будет ждать, в то время как г-жа Фан могла позволить всему идти своим чередом. Однако этот формат сам по себе уже испорчен. Возраст г-жи Фан делал все таким, что она не могла позволить всему просто идти своим чередом. У Фу Чэна было много времени; у нее нет.

Что, если они начали именно так? Это тоже было несправедливо по отношению к г-же Фан. Давление и страх, которые ей пришлось бы вынести, были бы совершенно несравнимы с тем, что пришлось бы вынести Фу Чэну.

Это был мертвый узел.

Наконец, тема упала до чрезвычайного интереса Сюй Тиншэня, Хуан Ямина и Фу Чэна насчет «любви с первого взгляда».

Сюй Тиншэн сказал: “Ее зовут Сян Нин.”

“Мы можем встретиться с ней?”

“Пусть пройдет немного времени... хотя нет, наверное еще несколько лет.”

.....

После выхода результатов вступительных экзаменов в университеты школы обычно проводят семинар, посвященный заполнению форм выпускников, на которых они руководствуются в выборе своего университета.

После того, как группа Сюй Тиншэня закончила завтракать, они поспешно отправились к школьным воротам.

Большие красные баннеры были подвешены прямо с десятого этажа здания, ближайшего к школьным воротам. На одном из них было написано: теплые поздравления славным достижениям Студента Сюй Тиншэня. Первый ученик по гуманитарным наукам в округе Либэй, занимает третье место в гуманитарной области в городе Цзяньнань, первое место в провинции Цзяньхай по комбинированным гуманитарным наукам, а также награжден премией «Храбрость округа Либэй».

“Что это за награда за храбрость?” Сюй Тиншэн был в полном ступоре.

Обладая превосходной толерантностью к алкоголю, вице-директор Лоу, казалось, не был пьян вчера вечером, он подошел большими шагами, сердечно смеясь сказал: “Мы получили похвалу за вас по поводу проблемы с атипичной пневмонией. Что думаешь насчет этого?”

“...Спасибо, вице-директор,” Сюй Тиншэн изначально считал, что это уже конец, что... о его плохом поведении не стоит упоминать вообще.

Все подняли головы и пристально посмотрели на баннер.

Здесь были не только они. В том числе ученики десятых и одиннадцатых классов, а также выпускники и их родители, которые вернулись на семинар, несколько тысяч человек смотрели на большой красный баннер, который дрейфовал ветром, оживляя его.

«Великолепие сияет на двери семьи». Внезапно, подумав об этой идиоме, Сюй Тиншэн почувствовал себя достаточно хорошо.

В этот момент, под взором каждого, этот баннер о Сюй Тиншэне, внезапно стал натянутым, затем упал с крыши с разрывным звуком.

Ветер был невелик, а другие баннеры были в порядке. Поэтому его, должно быть, кто-то сбросил.

На крыше стояла фигура, с одним концом баннера в руках.

Вице-директор Лоу рванул, будучи во главе людей направляющихся в ту сторону.

Чен Юлун.

На самом деле нельзя брать плату за такие вещи. Более того, Чен Юлун был сам учеником, который принес славу округу Либэй. Школа не могла обвинить его по этому поводу.

Сюй Тиншэн прошептал что-то в ухо вице-директора Лоу, а затем направился к Чен Юлуну.

“Ты меня погубил,” - сказал Чен Юлун.

“Это просто недоразумение. У тебя все еще есть результат в 592 балла и доступ к хорошему университету, - сказал Сюй Тиншэн, - ты думал о Сон Ни?... Вот она действительно тот человек, кто был погублен тобой.”

Чен Юлун потерял дар речи.

“Ее стремление к блаженным отношениям, вступительные экзамены в университет, ее будущие перспективы и судьба, ее жизнь, психологическое состояние... все это было практически полностью разрушено тобой. Поэтому я не буду сочувствовать тебе.”

“Чего ты хочешь?”

“Мне ничего не нужно. Мы оба, стоим здесь, разговаривая друг с другом, пока остальные наблюдают за этим - этого уже не достаточно, не так ли?... Я верю, что это останется вечной тенью, брошенной в твое сердце.”

Сюй Тиншэн был очень жестоким, чтобы сломать кого-то своим разумом. Однако, вспомнив судьбу Сон Ни в своей предыдущей жизни, изначально послушная и спокойная маленькая девочка пыталась покончить самоубийством, а затем молча покинула школу, очень возможно что, ушла она тогда, будучи инвалидкой... даже если бы это было именно то, что она испытала в этой жизни, уже было достаточно для Сюй Тиншэня безжалостно ожесточить свое решение.

“Это останется вечной тенью, брошенной в твое сердце.”

“Это останется вечной тенью, брошенной в твое сердце.”

Чен Юлун стоял напротив Сюй Тиншэня, в то время как последний стоял, уже ничего не говоря, он, казалось, мог слышать бесчисленные голоса, эти тысячи голосов все жужжали в его ушах:

“Это тот фальшивый лучший ученик.”

“Какое мелкое у него сердце.”

“Разрывать баннер... он сошел с ума?”

.....

Когда Сюй Тиншэн вернулся к Хуан Ямину и другим, многие из далеких классных комнат махали ему: «Старший Сюй Тиншэн».

Этот старший чувствовал застенчивым себя. Собственно, семинар по устремлениям для него совершенно бессмыслен. Он знал гораздо больше, чем специалисты во многих школах. Он мог быть точным и твердым в своем решении. Причина, по которой он вернулся, заключалась в том, чтобы получить свою форму устремлений.

Группа Сюй Тиншэня полчасика сидела в офисе Старика Чжоу, получая форму устремления. Затем Хуан Ямин и другие отправились на семинар, а Сюй Тиншэн вместо этого вернулся кабинет своего класса.